

Неизвестные источники по истории геральдики в Архиве Российской академии наук

Для современной российской геральдики первостепенное значение имеют выявление и введение в научный оборот новых источников, как вещественных, так и письменных. Одна из трудностей, возникающих при этом, заключается в чрезвычайной разбросанности материалов. Они находятся не только в тех хранилищах, к которым традиционно обращаются специалисты при изучении гербов (Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив древних актов, Государственный Эрмитаж), но также во многих других музеях и архивах, где геральдические памятники, как правило, немногочисленны. К числу последних относится Архив Российской академии наук. В нем сохранились интересные документы, пока еще не привлекавшиеся для реконструкции истории отечественного гербоведения.

Они сосредоточены, главным образом, в фонде доктора исторических наук, профессора Николая Владимировича Устюгова (1896–1966), который преподавал в Историко-архивном институте вспомогательные (как их тогда называли)¹ дисциплины,² в том числе геральдику. Этот раздел науки нельзя назвать основным в творчестве ученого, в гербоведении он известен, главным образом, пособиями для студентов. Первое из них вышло в свет пятью самостоятельными частями-брошюрами в 1939–1940 гг. Геральдика получила номер четыре³. Подготовка издания была связана со структурной реорганизацией института в августе 1939 г., когда из состава кафедры истории и организации архивного дела выделилась самостоятельная кафедра вспомогательных исторических дисциплин. Реформа потребовала коррекции методического обеспечения учебного процесса, создания новых программ и пособий.

В фонде Н.В. Устюгова сохранились материалы, связанные с работой над учебником по вспомогательным историческим дисциплинам, в том числе над разделом по геральдике. Пособие представляет собой большую библиографическую редкость и его можно обнаружить едва ли не только в библиотеке Рос-

¹ В современной историографической ситуации более правильно использовать термин «специальные исторические дисциплины», но в изученных нами источниках употреблялось выражение «вспомогательные исторические дисциплины», и оно сохранено в тексте настоящей статьи.

² Подробнее о вкладе Н.В. Устюгова в развитие вспомогательных исторических дисциплин см.: *Каменцева Е.И.* Работа Н.В. Устюгова в области вспомогательных исторических дисциплин // *Археографический ежегодник за 1968.* – М., 1970. – С. 281–285.

³ *Устюгов Н.В.* Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 4: Геральдика. – М., 1940. – 25 с.: ил.

сийского государственного гуманитарного университета, возникшего на основе Московского государственного историко-архивного института в 1991 г., поэтому находящаяся в Архиве Российской академии наук брошюра⁴ имеет ценность сама по себе.

В фонде сохранился также ее рукописный вариант⁵. Он неполон: отсутствуют последние листы, нет разделов о гербах нескольких союзных республик (Казахской, Таджикской и Киргизской), а также списка литературы. Сопоставление рукописи с печатным текстом позволяет уточнить дату подготовки пособия. В рукописной версии нет абзаца о статье В.К. Лукомского «Гербовая экспертиза», которая была опубликована в начале 1939 г.⁶ и в исправлении которой Н.В. Устюгов принимал, по его собственному признанию, деятельное участие⁷. Несомненно, что автор вставил характеристику этой важной работы в уже написанный раздел; следовательно, учебник создавался в 1938 или в первые месяцы 1939 г. Такая датировка

Николай Владимирович Устюгов
в последние годы жизни.

вполне согласуется с тем фактом, что курс вспомогательных дисциплин в Историко-архивном институте ученый начал читать 1 сентября 1938 г.⁸.

Рукопись подверглась значительному редактированию и отличается от печатного варианта по структуре и содержанию. Это была не только авторская правка, сохранились машинописные замечания, касавшиеся первых 8 страниц текста⁹. К сожалению, в документе отсутствует окончание и подпись, поэтому установить автора пока невозможно. Однако несомненно, что он хорошо знал

⁴ Архив Российской академии наук (далее АРАН). – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 35. – Л. 18–32.

⁵ Там же. – Л. 1–17 об.

⁶ Лукомский В.К. Гербовая экспертиза (случаи и способы применения) // Архивное дело. – 1939. – № 1. – С. 46–76.

⁷ Каменцева Е.И. Письма историка с фронта // Советская историография отечественной истории. Ученые и их труды. – М., 1988. – С. 94.

⁸ Там же. – С. 77.

⁹ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 524. – Л. 1–1 об.

геральдику, имел значительный опыт педагогической деятельности и сделал многочисленные, в том числе принципиальные замечания о стиле и содержании пособия. Например, рецензент потребовал от Н.В. Устюгова объяснить, почему дисциплина называется геральдикой, а не гербологией, убрать характеристику работы А.Б. Лакиера «Русская геральдика»¹⁰ как «очень основательной», описать методы исследования источников, предложенные В.К. Лукомским, объяснить замену цветов в гербах графическими изображениями и т.д. В отзыве подверглась критике изложенная в пособии опознавательная теория генезиса геральдики¹¹ и резонно указывалось, что узнать рыцаря мог только «тот, кто знал рисунок герба». Подчеркивалось различие в понятиях городские и территориальные гербы, отмечалось терминологическое несовершенство в разделе формальной геральдики, критиковались стилистические недочеты. Фамильные гербы предлагалось выделить в самостоятельную группу, показав эволюцию некоторых из них в государственные символы. В целом, замечания были дельными. Как явствует из сравнения их с окончательным вариантом пособия, Н.В. Устюгов учел большинство из предложенного, хотя, например, от опознавательной теории возникновения гербов не отказался (видимо, просто не нашел, чем ее можно заменить)¹². Правка способствовала совершенствованию текста, повысила его научный уровень.

В фонде ученого имеются подготовительные материалы к лекциям, они позволяют судить о круге использованной литературы и источников. В деле находятся выписки из сочинения Г. Котошихина «О России в царствование царя Алексея Михайловича», «Русской геральдики» А.Б. Лакиера, «Актów исторических», «Полного собрания законов Российской империи», энциклопедий¹³. В большинстве своем они касались изображений гербов на печатях.

Сохранился также текст, озаглавленный в архивной описи как «Геральдика»,¹⁴ он близок к учебнику, но, в то же время, заметно отличается от него. Возможно, это конспект курса, читавшегося Н.В. Устюговым. Косвенно такую атрибуцию подтверждает фраза от первого лица о геральдике времен

¹⁰ Лакиер А.Б. Русская геральдика. – СПб., 1855. – Кн. 1–2.

¹¹ Суть этой теории сводилась к тому, что гербы возникли из-за потребности различать союзника и противника во время боя, чему мешал шлем, закрывавший лицо рыцаря, поэтому на щиты якобы стали наносить опознавательные знаки, которые в дальнейшем приобрели наследственный характер.

¹² Устюгов Н.В. Указ. соч. – С. 1–2.

¹³ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 25 об.–35.

¹⁴ Там же. – Л. 2–24 об.

Екатерины II, явно адресованная студентам: «Не буду это, найдете в книгах Винклера и Лакиера»¹⁵.

В конце 1950-х гг. готовилось к публикации широко известное, выдержавшее два издания пособие «Русская сфрагистика и геральдика»,¹⁶ написанное Н.В. Устюговым в соавторстве с Еленой Ивановной Каменцевой (1920–2004), впоследствии доктором исторических наук, профессором, в 1976–1986 гг. руководившей кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института¹⁷. Материалы Архива Российской академии наук свидетельствуют о том, что процесс создания учебника оказался трудным и длительным. Сохранилась рукопись постраничных замечаний Н.В. Устюгова по фрагментам текста, над которыми работала Е.И. Каменцева¹⁸. Оценки давались очень резкие. Например, раздел о гербах и печатях Российской империи характеризовался так: «В целом эта [шестая – О.Н.] глава – мура. Автор явно не справился со своим материалом – получилась ни сфрагистика, ни геральдика. Кроме того, эта глава слаба по содержанию, она не выдерживает никакой критики с методической точки зрения. Автор все время оперирует понятиями, известными ему, но неизвестными его читателям»¹⁹. Н.В. Устюгов исправил существенную ошибку, допущенную в параграфе о геральдике союзных республик, где оказались спутаны казахский и киргизский гербы. Отмечалось, что герб Киргизской АССР 1924 г. не имеет никакого отношения к Киргизской ССР, а относится к Казахской ССР. Кроме того, автору предлагалось тщательно выверить факты и цитаты (например, легенду об основании города Казани – по «Казанской истории»), дать ссылки на источники (Псковскую ссудную грамоту и др.).

Как и было принято, рукопись учебника поступила на рецензирование. В письме от 30 октября 1959 г. Е.И. Каменцева сообщала Н.В. Устюгову о его результатах, получении некоего «второго отзыва» с положительным выводом о возможности использовать текст в качестве пособия для высших учебных заведений. «Приятная новость» ее очень обрадовала, поскольку, судя по письму, имелась другая рецензия, по всей видимости, не столь благожелательная. «Тон их [замечаний – О.Н.] значительно отличается от тона первого отзыва. Все они

¹⁵ Там же. – Л. 14 об.

¹⁶ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика: учебное пособие. – М., 1963; 2-е изд., доп. – М., 1974.

¹⁷ Подробнее о ней см.: Елена Ивановна Каменцева: биобиблиографический указатель. – М., 2006.

¹⁸ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 215. – Л. 1–1об.

¹⁹ Там же.

конкретны, сделаны по страницам. Все их можно быстро учесть»,²⁰ – отмечала Е.И. Каменцева. Наиболее принципиальными из них она считала указания на неудачную классификацию источников и на необходимость периодизации, определяемой самими источниками, а не представлениями об общеисторическом процессе.

С документами о подготовке учебных пособий тесно связаны методические материалы, в частности, программы по вспомогательным историческим дисциплинам, в которых имелись разделы по геральдике. В соответствии с ними готовились лекционные курсы.

Программа по геральдике сохранилась в материалах Н.В. Устюгова в нескольких вариантах – подробном (рукопись, по всей видимости, не имеет окончания), кратком (датированном 1939 г.) и третьем, повторяющем формулировки предыдущего, но более кратко, его условно можно назвать сокращенным²¹. Наличие различных версий свидетельствует о том, что разработка методического обеспечения происходила довольно трудно, пробовались всевозможные подходы, искались способы лучшего совмещения геральдики и общих концепций советского образования, где, по сути, места для связанной с дворянством и монархической идеологией дисциплине не находилось.

В рукописи объяснительной записки, датированной 9 сентября 1939 г., Н.В. Устюгов сформулировал учебные задачи в отношении геральдики. При этом, как часто бывало после 1917 г., он отталкивался от сфрагистики, более идеологически нейтральной, чем наука о гербах. Цель сфрагистического раздела историк видел в том, чтобы «сообщить сведения о различных видах печатей, употребляемых в разные эпохи», а также «научить студентов по печатям определять подлинность документа, эпоху и принадлежность его лицу или учреждению»²². Для геральдики формулировка повторялась дословно с той лишь разницей, что слово «печати» заменялось на «гербы»²³. В подробном варианте программы цель обучения формулировалась иначе – «определить значение гербоведения для исторического исследования и проследить эволюцию гербов – государственных и частных»²⁴.

В том же варианте программы предполагалось дать студентам представление о предмете геральдики и происхождении гербов, значении дисциплины для исторического исследования, критический обзор отечественной историографии, сведения о теоретической (формальной) геральдике, государствен-

²⁰ Там же. – Оп. 4. – Д. 110. – Л. 190.

²¹ Там же. – Оп. 3. – Д. 150. – Л. 1–13.

²² Там же. – Л. 5.

²³ Там же. – Л. 5–5 об.

²⁴ Там же. – Л. 1 об.

ных, территориальных и родовых гербах, а также влиянии на них западного опыта²⁵. В краткой версии при сохранении основного содержания отдельные положения оказались исключены – прежде всего, это касалось общих аспектов дисциплины и проблемы европейского влияния²⁶.

Программы предусматривали проведение практических занятий по геральдике, цель которых заключалась в том, чтобы выработать у студентов навыки описания гербов, причем как старых, так и современных²⁷. Последнее явилось, по всей видимости, новацией Н.В. Устюгова, до него определение (экспертиза) советских гербов как учебная задача не ставилось.

Все варианты программы схожи с курсом геральдики, разработанным для Историко-архивного института известным генеалогом, архивистом Николаем Петровичем Чулковым (1870–1940), который читал лекции и вел практические занятия по дисциплине в начале 1930-х гг.²⁸. Однако курс Н.В. Устюгова был более кратким: исключены имевшиеся у предшественника сведения о рыцарской геральдике, европейской и польской геральдических системах, гербовом эскизном рисунке – в первую очередь то, что связано с Западом или дворянством.

Впрочем, намеченные задачи оказались трудно реализуемыми, поскольку на лекции и практические занятия по геральдике отводилось по 4 часа (всего 8); это меньше, чем для всех других дисциплин²⁹. Такое распределение однозначно демонстрирует отношение к ней как к знанию для студентов второстепенному и не совсем нужному.

Преподавательскую деятельность Н.В. Устюгова отразила сохранившаяся в фонде записная книга небольшого формата. В описи она неточно обозначена как «Конспект курса лекций по вспомогательным историческим дисциплинам» за 1939–1940 гг.³⁰. На самом деле в ней содержатся записи «для себя», которые ведут многие преподаватели: списки студентов, расчеты нагрузки, перечни литературы и другие материалы, связанные с организацией учебного процесса. В списке контрольных работ заочников с краткими характеристиками каждой из них упоминаются темы по геральдике. Так, на работу студентки Е.Ф. Казариновой Н.В. Устюгов замечаний не сделал, в тексте некоего Балак-

²⁵ Там же. – Л. 4 об.

²⁶ Там же. – Л. 3 об.

²⁷ Там же. – Л. 7.

²⁸ См.: *Наумов О.Н.* Геральдика в научном творчестве генеалога Николая Петровича Чулкова // *Гербовед.* – 1996. – № 1 (9). – С. 139–140; *Он же.* Николай Петрович Чулков и отечественная историческая наука // *Проблемы источниковедения.* – Вып. 1 (12). – М., 2006. – С. 451, 453.

²⁹ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 3. – Д. 150. – Л. 7 об.

³⁰ Там же. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 1–62.

шина отметил только стилистические недостатки, а в сочинении Максимовой обратил внимание автора на ошибки при описании грузинского герба³¹.

Обзор геральдических материалов в фонде Н.В. Устюгова не был бы полным без упоминания о его пособии «Сфрагистика»³². Оно являлось третьей частью учебника по вспомогательным историческим дисциплинам. Сохранился рукописный текст, а также полностью идентичный ему печатный вариант, изданный тиражом в 200 экземпляров³³. В фонде находится также конспект лекций по сфрагистике, видимо, несколько более ранний, чем пособие. Он короче и имеет иную структуру, позволяющую проследить эволюцию текста³⁴.

В лекции по сфрагистике традиционно (так делал еще Н.П. Чулков в начале 1930-х гг.)³⁵ перенесен самый опасный идеологически раздел курса геральдики – о государственном гербе. Он рассматривался с сугубо сфрагистических позиций – как изображение на печатях. В контексте становления печати Московского государства в конце XV в. излагались сведения о происхождении двуглавого орла (включая византийскую версию), а также доказывалось, что трактовка московского всадника как святого Георгия «лишена оснований»³⁶. История российского герба прерывалась на XVII в. Н.В. Устюгов утверждал, что нет необходимости останавливаться на истории государственной печати более позднего периода, поскольку ее последующие отличия «не имеют принципиального значения»³⁷.

В обзоре литературы давалась обстоятельная характеристика фундаментальной для XIX в. монографии А.Б. Лакиера «Русская геральдика». Она двойка: с одной стороны, Н.В. Устюгов справедливо подчеркивал, что книга «значительно устарела и по своему содержанию, и по методу», а основным недостатком является возвеличивание русского дворянства и акцентирование его роли в истории, с другой – этот труд «остается единственной сводной работой» по русской сфрагистике»³⁸.

Ценным источником для изучения истории геральдики в советский период является переписка между Н.В. Устюговым и Е.И. Каменцевой за годы Великой

³¹ Там же. – Л. 44–44 об.

³² Устюгов Н.В. Учебное пособие по вспомогательным историческим дисциплинам. – Ч. 3: Сфрагистика. – М., 1939. – 36 с.

³³ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 1–35 об. (рукопись), 36–54 (печатный вариант).

³⁴ Там же. – Д. 29. – Л. 1–36.

³⁵ См.: Наумов О.Н. Из истории преподавания сфрагистики: лекции Н.П. Чулкова 1930-х гг. // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. – СПб., 2001. – С. 269–270.

³⁶ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 47–47 об.

³⁷ Там же. – Л. 48 об.

³⁸ Там же. – Л. 37 об.

Отечественной войны. Она уже привлекала внимание исследователей, но в статье Е.И. Каменцевой анализировались только тексты Н.В. Устюгова, адресованные ей,³⁹ в то время как в фонде ученого сохранились подлинники ответных писем. Во время войны Е.И. Каменцева была сначала студенткой, с 1942 г. – аспиранткой Историко-архивного института, а с 1943 г. одновременно – лаборанткой кафедры вспомогательных исторических дисциплин и заведовала ее кабинетом. Она подробно информировала Н.В. Устюгова обо всех событиях, происходивших в учебном заведении. Для истории геральдики письма Е.И. Каменцевой⁴⁰ интересны, прежде всего, упоминаниями о Владимире Крескентьевиче Лукомском (1882–1946), который работал в Историко-архивном институте с 1942 г., после эвакуации из блокадного Ленинграда⁴¹. Письма Е.И. Каменцевой никогда раньше не использовались в качестве источника о деятельности этого крупнейшего исследователя гербов, хотя неудачная попытка описать московский период его биографии предпринималась еще четверть века назад⁴².

Письма Е.И. Каменцевой позволяют составить адекватное представление не только об официальной стороне жизни геральдиста, но показать отношение к нему научного сообщества. Нам уже приходилось отмечать, что далеко не все коллеги понимали В.К. Лукомского. Некоторым он казался странным, его манеры и поведение – старомодными, а исследовательские возможности – сомнительными. Подобный отзыв Н.В. Устюгова, заимствованный из письма от 20 ноября 1942 г., воспроизводился Е.И. Каменцевой, хотя и признавался ей самой спорным⁴³.

Обнаруженные нами письма дополняют сведения о последних годах геральдиста. Отношение Е.И. Каменцевой к В.К. Лукомскому заметно менялось со временем. Впервые он упоминался в письме от 15 ноября 1942 г. «Между прочим еще в прошлом уч[ебном] году вместе с Маяковским⁴⁴ из Ленинграда приехал Лукомский. Числится он у нас, но ничего не читает, на заседаниях кафедры не появляется. Деятельность пока его ограничивается посещениями библиотеки»,⁴⁵ – сообщала она. Видимо, новый преподаватель мало интересо-

³⁹ Каменцева Е.И. Письма историка с фронта. – С. 77–97.

⁴⁰ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 108–110.

⁴¹ Подробнее см.: Лукомский В.К. Записка об архиве, коллекциях и библиотеке // Гербоведение. – Т. 1. – М., 2011. – С. 123, 129–130.

⁴² Борисов И.В. Деятельность В.К. Лукомского в Москве (1942–1946 гг.) // Геральдика. – Л., 1987. – С. 26–41.

⁴³ Каменцева Е.И. Указ. соч. – С. 94.

⁴⁴ Маяковский Илья Лукич (1878–1954), доктор исторических наук, профессор (1943), преподаватель и заведующий кафедрой Историко-архивного института (1942–1954).

⁴⁵ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 108. – Л. 94 об.

вал аспирантку, которая редко и как-то отстраненно писала о нем, в отличие от постоянно упоминавшихся директора Историко-архивного института в 1941–1942 гг. профессора Павла Петровича Смирнова (1882–1947), последовательно сменивших друг друга заведующих кафедрой Александра Николаевича Сперанского (1891–1943) и Александра Игнатьевича Андреева (1887–1959). Между тем, В.К. Лукомский не сторонился ее; в письме от 27 декабря того же года отмечено, что он интересовался темой предполагаемого диссертационного исследования Е.И. Каменцевой⁴⁶ – Литовской метрикой, отчасти близкой геральдисту, всегда бывшему равнодушным к истории Польши и Литвы. Такое внимание предопределило благожелательное отношение к нему в начале знакомства. Весной 1943 г. аспирантка надеялась на поддержку ученого во время своего доклада о Литве⁴⁷. Расчет оправдался, В.К. Лукомский рассказал о выступлении заместителю директора института Алексею Исаевичу Гуковскому (1895–1969), подчеркнув серьезную, глубокую работу с источниками и литературой; «вообще хвалил»⁴⁸. Е.И. Каменцевой импонировала тактичность нового профессора, его «исключительная корректность, вежливость»⁴⁹. В апреле 1943 г. она писала: «Оба ленинградца [В.К. Лукомский и И.Л. Маяковский – О.Н.] у нас вполне акклиматизировались и представляют из себя ходячий справочник “хорошего тона”»⁵⁰.

Примерно в июне 1943 г. отношение к геральдисту изменилось, упоминания в письмах приобрели негативный, иронический, уничижительный оттенок, хотя даже тогда признавалось, что он «очень любопытный человек»⁵¹. Такая эволюция связана со сменой руководства кафедры. В январе 1943 г. умер А.Н. Сперанский и с июня заведовать ей стал приехавший из блокадного Ленинграда доктор исторических наук А.И. Андреев. Отношение и к нему лично, и к проводимым им реформам учебного процесса⁵² со стороны Е.И. Каменцевой и близкого к ней преподавателя кафедры, в дальнейшем академика Льва Владимировича Черепнина (1905–1977)⁵³ было отрицательным⁵⁴.

⁴⁶ Там же. – Л. 113.

⁴⁷ Там же. – Д. 109. – Л. 42 об.

⁴⁸ Там же. – Л. 45.

⁴⁹ Там же. – Л. 42 об.

⁵⁰ Там же. – Л. 52 об.

⁵¹ Там же. – Л. 106.

⁵² Подробнее см.: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.А.* История кафедры вспомогательных исторических дисциплин: учебное пособие. – М., 1990. – С. 17–25.

⁵³ См.: *Каменцева Е.И.* Л.В. Черепнин в Историко-архивном институте // *Феодализм в России.* – М., 1987. – С. 13–20.

⁵⁴ В недатированном, но относящемся, по всей видимости, к началу 1943 г., письме Л.В. Черепнин признавался Н.В. Устюгову, что А.И. Андреев «склонен предложить свои услуги, т.к. ему

В.К. Лукомский, напротив, поддерживал старого знакомого, поэтому в письмах аспирантки характеризовался как «хитрая лиса», «лисонька»; не упускалось случая подчеркнуть, что ученый «всегда держит сторону сильного», «поддакивает и во всем соглашается» с А.И. Андреевым и т.д.⁵⁵

Дисциплины, которые преподавал В.К. Лукомский – геральдика и генеалогия – воспринимались скептически. Е.И. Каменцева поддержала мысль Н.В. Устюгова, что введение новых курсов, осуществленное А.И. Андреевым, зависело не столько от потребностей студентов, сколько от «наличия людей, желающих обучать определенным вопросам»; «а чем же будет заниматься “Лисонька” без семинариев по геральдике и генеалогии»,⁵⁶ – саркастически восклицала Е.И. Каменцева. Сообщая в ноябре 1943 г. об утверждении списков тем для кандидатских диссертаций по вспомогательным историческим дисциплинам,⁵⁷ она не упустила случая снисходительно заметить: «Даже Лисонька придумала свои темы»⁵⁸.

Несмотря на такое отношение, обширная организационная, преподавательская, исследовательская деятельность В.К. Лукомского в Историко-архивном институте не могла не отразиться в письмах. Е.И. Каменцева оказалась свидетельницей его занятий, проходивших в помещении ее кабинета. После

Владислав Крескентьевич Лукомский.
Между 1942–1946 гг.

нужно обосноваться в Москве, нужна квартира. Против его кандидатуры возражать, конечно, не приходится, человек достойный. Но я все-таки предпочел бы работать с тобой, а не с ним» (АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 237. – Л. 10). Квартира А.И. Андрееву была действительно нужна, поскольку его жилье в Ленинграде оказалось разрушенным, в Москве он жил сначала у А.Н. Сперанского и П.П. Смирнова, а с конца февраля 1943 г. – в помещении самого института (*Простоволосова Л.Н., Станиславский А.А.* Указ. соч. – С. 15). Небезынтересно отметить, что оба – А.И. Андреев и Л.В. Черепнин – были арестованы по известному «делу С.Ф. Платонова», первый – в 1929, второй – в 1930 г.

⁵⁵ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 109. – Л. 92, 106–106 об., 114 об., 116 об.–117, 134, 135, 155 об. Язвительность выражений характерна для писем Е.И. Каменцевой в целом. Так, И.Л. Маяковский назывался в них «очень симпатичный старикашка» (Там же. – Л. 81 об.).

⁵⁶ Там же. – Л. 116 об.–117.

⁵⁷ Список опубликован, см: *Простоволосова Л.Н., Станиславский А.А.* Указ. соч. – С. 20–21.

⁵⁸ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 109. – Л. 155 об.

первого спецсеминара по геральдике она сообщала Н.В. Устюгову 5 октября 1943 г.: «Лукомский занимался разговорами, упражнялся в красоте изложения, но он принадлежит к умеющим заинтересовать»⁵⁹. Названную его способность убедительно продемонстрировало распределение студентов: к В.К. Лукомскому их записалось 12–14, а к другому преподавателю кафедры вспомогательных исторических дисциплин Алексею Андреевичу Новосельскому (1891–1967), который вел занятия по дипломатике, – всего 6. Об отношении учащихся к В.К. Лукомскому дают представление письма Н.В. Устюгову Тамары Дмитриевны Либеровской, впоследствии сотрудницы архивов Калужской и Брестской областей. В январе 1944 г. она восхищенно отзывалась о геральдисте – «уж очень симпатичный человек Лукомский, прямо прелесть»⁶⁰. Не даром раньше,

летом 1943 г., Е.И. Каменцева называла эту студентку в числе тех, кто предполагал работать с В.К. Лукомским над составлением эмблематического указателя к «Общему гербовнику дворянских родов»⁶¹.

В письмах Т.Д. Либеровской сохранились и другие свидетельства о преподавательской манере ученого, в общем схожие с тем, о чем писала Е.И. Каменцева. Оценки интересны тем, что даны рядовой студенткой, далекой от кафедральных интриг и дрызг. Так, 13 декабря 1943 г. Т.Д. Либеровская сообщала: «Идут семинары по геральдике. Интересно, но думаю только, что моя бедная голова не вместит всей массы изображений на гербах»⁶². Тема продолжалась

Елена Ивановна Каменцева.

в письме от 7 января 1944 г., и автор вполне правильно определила основную проблему курса – недостаток учебных часов, чтобы обстоятельно и неторопливо изложить материал. «1-ый зачет будет по геральдике. Надавал нам Лукомс-

⁵⁹ Там же. – Л. 144 об.

⁶⁰ Там же. – Д. 128. – Л. 41 об.

⁶¹ Там же. – Д. 109. – Л. 106.

⁶² Там же. – Д. 128. – Л. 38.

кий массу гербов, времени было мало, отсюда и результат – в голове каша. Учебная часть преглупо составила план занятий на этот семестр. Такой пробег по геральдике, ясно, ничего не дает»,⁶³ – замечала студентка. Сомнения Т.Д. Либеровской оказались напрасными, зачет она сдала, хотя тот, по ее словам, «был строгий, как экзамен»⁶⁴.

Весной 1943 г. Е.И. Каменцева писала Н.В. Устюгову о назначении В.К. Лукомского членом Ученого совета Историко-архивного института, впрочем, никак не комментируя эту новость⁶⁵. В апреле 1943 г. готовилась выставка, посвященная 25-летию «советского архивного строительства». В институте ответственным за ее подготовку назначили И.Л. Маяковского, а ему в помощь определили В.К. Лукомского. Е.И. Каменцева осталась недовольна обоими: «А мы должны каждый день являться к ним в кабинет и с миной будто делаем дело общегосударственной важности летать по всему институту с “материалами, характеризующими наш ин[ститу]т в архивном строительстве”»⁶⁶. В июне 1943 г. тем же лицам – И.Л. Маяковскому при помощи В.К. Лукомского – поручалось организовать выставку в самом учебном заведении, чтобы привлечь студентов на первый курс⁶⁷. Дело в том, что на тот момент в Москве насчитывалось всего 800 выпускников-десятиклассников, а набор в институт предполагался в 120 человек. Такая ситуация требовала активной работы с абитуриентами.

В 1943/1944 учебном году процесс преподавания на кафедре вспомогательных исторических дисциплин был реформирован. В начале сентября 1943 г. Е.И. Каменцева сообщала, что на старших курсах планируются два семинара на выбор, один из них – В.К. Лукомского⁶⁸. Кроме того, предполагалось, что он будет читать курс «Источники пушкинской поры»⁶⁹. Последнее стало, видимо, отзвуком замысла, появившегося еще в конце 1942 г., согласно которому В.К. Лукомский вместе с Л.В. Черепнинным и Константином Григорьевичем Митяевым (1902–1969) должен разработать курс «Методы палеографического исследования в применении к документам XIX–XX вв.» по программе, составленной А.Н. Сперанским⁷⁰.

В письме Е.И. Каменцевой от 21 июля 1943 г. содержится важное известие о том, что В.К. Лукомский при помощи студентов решил подготовить ука-

⁶³ Там же. – Л. 40.

⁶⁴ Там же. – Л. 41 об.

⁶⁵ Там же. – Д. 109 – Л. 52 об.

⁶⁶ Там же. – Л. 52 об.

⁶⁷ Там же. – Л. 92.

⁶⁸ Там же. – Л. 129 об.

⁶⁹ Там же. – Л. 135.

⁷⁰ Там же. – Д. 108. – Л. 112 об.

затель к «Общему гербовнику дворянских родов», описав эмблематически каждый герб, и ему «уже удалось “завербовать” несколько студентов». «Вот когда составители будут знать все условные обозначения», – заметила автор⁷¹. Е.И. Каменцева спрашивала у Н.В. Устюгова разрешения поработать с В.К. Лукомским⁷². В данном случае речь шла об одном из фундаментальных проектов геральдиста – создании эмблематического справочника, который позволял бы легко устанавливать принадлежность неизвестного герба, если он внесен в официальный «Общий гербовник». Значительная часть этой трудоемкой работы

Лев Владимирович Черепнин
в последние годы жизни.

была выполнена ученым до войны, но рукопись погибла вместе с личным архивом в блокадном Ленинграде. В.К. Лукомский понимал, что повторить ее не сможет, поэтому решил привлечь студентов, но из начинания ничего не получилось.

В письмах отразился круг московских знакомств геральдиста. Когда А.И. Андреев собрался ввести на старших курсах спецсеминар по нумизматике, то на кафедру пригласили Александра Александровича Сиверса (1866–1954), с 1944 г. руководившего отделом нумизматики Государственного исторического музея. Е.И. Каменцева писала Н.В. Устюгову, что он «бодр и полон энергии, даже рука его тверда и почерк не изменился за 30 лет»,⁷³ и ссылалась на В.К. Лукомского.

В 1944 г. геральдист почти исчез из посланий аспирантки, а редкие упоминания о нем стали фактологичны и почти лишены эмоциональной окраски. В марте 1944 г., рассказывая о защите неким Зеленовым диссертации о комбедах РСФСР, Е.И. Каменцева отметила, что председательствовавший на заседании новый директор Историко-архивного института (в 1942–1944 гг.) Павел Борисович Жибарев запутался в

⁷¹ Там же. – Д. 109. – Л. 107.

⁷² Там же. – Л. 106.

⁷³ Там же. – Л. 91.

процедуре, хотя, по словам В.К. Лукомского, имел специальную шпаргалку⁷⁴. В апреле того же года она сообщала Н.В. Устюгову о составе Ученого совета Историко-архивного института и упомянула, что секретарем его является В.К. Лукомский⁷⁵. Присуждение геральдисту степени доктора исторических наук в том же месяце было ей вообще проигнорировано. Однако негативное отношение иногда прорывалось. «Думает жить на проценты от старых заслуг и немножко поработать лень»,⁷⁶ – так резко и несправедливо отозвалась Е.И. Каменцева о пожилом ученом, недавно перенесшем все лишения первой блокадной зимы. В 1945 г. В.К. Лукомский не удостоился ни одного упоминания.

Письма дают представление о собственной преподавательской деятельности Е.И. Каменцевой в Историко-архивном институте. В марте 1945 г. она сообщала Н.В. Устюгову, что ведет занятия по хронологии и готовится к семинарам по сфрагистике и геральдике⁷⁷. Уверенности в своих знаниях у нее не было. «Боюсь, что сфрагистика и геральдика меня одолеют, а не я их», – не без самоиронии замечала аспирантка⁷⁸.

Письма Е.И. Каменцевой показывают генезис популярной в поздней советской историографии идеи о существовании некоей комплексной науки эмблематики,⁷⁹ которая должна изучать гербы, монеты, печати, флаги, книжные знаки и другие источники, содержащие информацию в виде символов. В августе 1944 г. А.И. Андреев предложил преподавать вспомогательные исторические дисциплины «кустами», т.е. одновременно несколько, в рамках общего курса⁸⁰. В сентябре того же года эта мысль, озвученная заведующим кафедрой на отчетном совещании, получила одобрение у начальника Главного архивного управления НКВД СССР Иосифа Илларионовича Никитинского (1905–1974). Именно тогда в письмах впервые появился термин «эмблематика»⁸¹. Первоначально под ним подразумевали «куст» из генеалогии, геральдики и

⁷⁴ Там же. – Д. 110. – Л. 57.

⁷⁵ Там же. – Л. 62.

⁷⁶ Там же. – Л. 100 об.

⁷⁷ Там же. – Л. 177.

⁷⁸ Там же. – Л. 183–183 об.

⁷⁹ Каменцева Е.И. Основные проблемы советской эмблематики // Советские архивы. – 1970. – № 1. – С. 35–40; Она же. Проблемы советской эмблематики // Труды научной конференции по вопросам архивного дела в СССР. – Т. 2. – М., 1965. – С. 112–117; Борисов И.В. Об идеологическом содержании некоторых дореволюционных и советских эмблем // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. – М., 1977. – С. 210–220; Похлебкин В.В. Эмблематика // Юный художник. – 1980. – № 11. – С. 22–23; Эмблематика // Специальные исторические дисциплины: учебное пособие. – Киев, 1992. – С. 300–303 и др.

⁸⁰ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 110. – Л. 100 об.

⁸¹ Там же. – Л. 114.

сфрагистики, но затем, к октябрю 1944 г., первую из них заменили на нумизматику. Силами преподавателей кафедры планировалось подготовить специальное пособие по эмблематике. В контексте таких теоретических новаций становится понятно, почему В.К. Лукомский на заседании кафедры делал доклад о развитии в советский период сразу генеалогии, геральдики и сфрагистики⁸² («Ни до чего определенного не договорились», – охарактеризовала Е.И. Каменцева прения по его выступлению). Идея об изучении вспомогательных исторических дисциплин «кустами» оказалась живучей – достаточно вспомнить названный выше учебник Н.В. Устюгова и Е.И. Каменцевой,⁸³ где печати и гербы рассматривались вместе, а ведь он использовался студентами до конца XX в. Только сейчас его начали вытеснять другие пособия, избавленные от подобных квазиинтегративных подходов.

Исключение из «куста» генеалогии объяснялось, во-первых, по мнению Е.И. Каменцевой, ее специфическим положением «бедного родственника при геральдике»,⁸⁴ а, во-вторых, различием представлений о содержании родословных исследований среди членов кафедры. «Обнаружилось принципиальное расхождение у Лукомского – представителя чистой генеалогии – генеалогии ради генеалогии с ее древами, таблицами и проч[ими] мудростями и остальными членами кафедры, которые ставят перед ней цели прикладные и превращают ее в подобную дисциплину для выяснения процессов общеисторического характера»,⁸⁵ – писала она. Генеалогию заменили нумизматикой, хотя здесь оказалось тоже не все просто. Эта дисциплина в большей степени связана с вещественными памятниками, с музеями, чем с письменными источниками и, соответственно, архивами. Вследствие такой специфики она «считается ненужной для архивистов», – заметила Е.И. Каменцева 30 октября 1944 г., подчеркнув одновременно, что для студентов «сведения об изображениях на монетах даются в геральдике»⁸⁶.

В.К. Лукомский не поддерживал идею об изучении вспомогательных исторических дисциплин «кустами». Заведующий кафедрой давил на него. «Александр Игнатьевич поставил бедному Лукомскому ультиматум: заниматься сразу генеалогией, геральдикой и сфрагистикой, а тот упрямится»,⁸⁷ – констатировала Е.И. Каменцева. В конечном счете, пришлось уступить, так как положение ге-

⁸² Публикацию см.: *Лукомский В.К. Обзор трудов по генеалогии, геральдике и сфрагистике за 1917–1945 гг. // Русский родословец. – 2001. – № 1. – С. 70–92.*

⁸³ *Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Указ. соч.*

⁸⁴ АРАН. – Ф. 1535. – Оп. 4. – Д. 110. – Л. 116 об.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же. – Л. 125.

⁸⁷ Там же. – Л. 100 об.

ральдиста на кафедре и в исторической науке не было прочным из-за «подозрительной» сферы исследований. Таким образом, идея о существовании «эмблематики» являлась не более чем данью тоталитарному времени, попыткой сохранить дисциплины, которые подверглись остракизму в официальной науке, а не результатом естественной эволюции познания прошлого. В настоящее время это предложение должно быть оставлено как бесперспективное и надуманное.

Важный источник, связанный с В.К. Лукомским, сохранился в фонде Л.В. Черепнина (1905–1977). В архивной описи дело обозначено как статья о геральдисте⁸⁸. На самом деле это рукопись выступления Л.В. Черепнина на посвященном его памяти заседании Ученого совета Историко-архивного института, состоявшемся в октябре 1946 г. Доклад известен по стенографической записи, не вполне исправной, с явными описками и неточностями⁸⁹. Рукопись позволяет исправить ее, уточнить начальный замысел автора и, благодаря правке, проследить работу над текстом.

В фонде доктора исторических наук, профессора, заведующей в 1952–1960 гг. кафедрой вспомогательных исторических дисциплин Московского государственного историко-архивного института Александры Тимофеевны Николаевой (1908–1988) также сохранились источники по истории гербоведения – два отзыва на кандидатские диссертации:⁹⁰ один на работу Б.П. Зайцева о советской эмблематике Украины (датирован 9 декабря 1969 г.), второй – на защищенное в 1953 г. исследование А.А. Ураносова⁹¹ об истории русской символики в конце XV–XVII вв. (датирован декабрем 1955 г.)⁹². Поскольку изыскания по подобной тематике были большой редкостью для исторической науки в 1950-е – 1960-е гг., в первом из них подробно разъяснялся предмет эмблематики, ее научное и «политическое значение» для исследования советского прошлого. Эмблемы однозначно и верно трактовались А.Т. Николаевой как исторический источник, но, «правда, источник дополнительный и, в то же время, важный, т.к. каждое изменение в эмблеме [...] отражает определенный этап в истории страны»⁹³. Автор указывала, что символы широко обсуждают-

⁸⁸ Там же. – Ф. 1791. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 1–60.

⁸⁹ Стенограмма заседания, в том числе выступление Л.В. Черепнина, публикуется в настоящем сборнике (С. 123–140).

⁹⁰ АРАН. – Ф. 1950. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 14–16, 77–78.

⁹¹ Зайцев Б.П. Эмблематика Советской Украины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Харьков, 1969; Ураносов А.А. Русские областные и городские печати и гербы в период образования и укрепления Русского централизованного многонационального государства (XV–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1953.

⁹² Отзыв не имеет даты, но она устанавливается из пометы с просьбой перепечатать его, в которой указано 5 декабря 1955 г. (АРАН. – Ф. 1950. – Оп. 1. – Д. 50. – Л. 77).

⁹³ Там же. – Л. 14.

ся общественностью и утверждаются органами советской власти, могут быть полезны при изучении источников, созданных после 1917 г., для их датировки, происхождения и т.д. В целом, оценка диссертации Б.П. Зайцева была положительной, а к недостаткам отнесено то, что ее разделы неравноценны по глубине анализа и отсутствуют общие выводы в заключении.

Отзыв на текст А.А. Ураносова интереснее по содержанию. Его диссертация справедливо характеризуется как «первое широкое, монографическое исследование русских печатей и гербов XV–XVII вв.». Однако «оправдать» плохо вписывавшуюся в приоритетные направления советской науки тему было все-таки необходимо, и А.Т. Николаева особо подчеркнула идеологический аспект сочинения, «осуществленного на марксистско-ленинской методологии»⁹⁴. Отмечалось методическое значение диссертации, в которой осуществлено «комплексное и всестороннее изучение печатей и гербов в неразрывной связи с общим ходом закономерно развивающегося процесса». Недостатками исследования названо то, что отсутствует источниковедческая характеристика работ А.В. Орешникова по нумизматике, происхождение отдельных территориальных гербов «недостаточно четко обосновано», «не всегда конкретно показано значение печатей и гербов как исторических источников»⁹⁵. Предназначение отзыва становится ясно из его заключительной фразы, где осторожно выражалось сожаление о том, что «ценная работа» «до сих пор не опубликована»⁹⁶. Таким образом, вскоре после защиты ставился вопрос о публикации диссертации А.А. Ураносова. Этого не произошло – слишком неприемлемой оставалась тема для исторической науки, занятой изучением деятельности КПСС, а также «революционного движения» во всех его формах и мельчайших проявлениях, однако саму идею об издании геральдического текста в виде книги, едва ли не впервые после 1917 г., можно расценивать как знаковую, как одно из проявлений политической «оттепели» в познании прошлого.

К геральдическим материалам Архива Российской академии наук должна быть причислена находящаяся в фонде известного историка, члена-корреспондента Академии наук СССР Сергея Владимировича Бахрушина (1882–1950) редкая, всего 200 экземпляров, брошюра С.Н. Чернова, изданная в 1927 г.⁹⁷. В ней описана блестящая экспертиза родового герба на печати с письма декаб-

⁹⁴ Там же. – Л. 77.

⁹⁵ Там же. – Л. 78.

⁹⁶ Судя по помете, текст требовалось отпечатать в 5 экземплярах, что свидетельствует о предполагавшемся широком его распространении (Там же. – Л. 77).

⁹⁷ Чернов С.Н. Четыре письма неизвестного к декабристу И.Д. Якушкину. – Саратов, 1927. – 25 с.; АРАН. – Ф. 624. – Оп. 5. – Д. 286. На издании имеется дарственная надпись автора С.В. Бахрушину.

ристу Ивану Дмитриевичу Якушкину, в результате которой устанавливался автор текста – Дмитрий Александрович Облеухов.

Последним в хронологическом отношении и не менее знаковым, чем упомянутый выше отзыв А.Т. Николаевой, документом, сохранившимся в Архиве Российской академии наук, стал протокол заседания бюро отделения истории Академии наук СССР от 14 мая 1987 г. с подготовительными материалами к нему⁹⁸. В § 112 говорилось об организации при Научном совете по исторической демографии и исторической географии Координационной комиссии по созданию и пропаганде городских гербов⁹⁹. Ее создание стало реакцией на большой общественный интерес к геральдике, который начал проявляться в период перестройки. Оно означало признание советской властью за территориальными символами права на существование, официальную реабилитацию геральдики как сферы практической деятельности и научного поиска. До того, несмотря на утверждение городских символов на местном уровне, власть категорически отказывалась от учреждения какой-либо общесоюзной геральдической структуры.

В постановлении бюро отделения истории перечислялся состав комиссии. В нее вошло 13 человек: председатель – член-корреспондент (впоследствии академик) Академии наук СССР Ю.А. Поляков, его заместитель – доктор исторических наук Н.А. Соболева, ученый секретарь – кандидат исторических наук С.В. Думин, а также члены – кандидат исторических наук Б.Н. Морозов, кандидат исторических наук С.Д. Мякушев, И.С. Сметанников, художники В.А. Передерий и Р.И. Маланичев, С.И. Петрова (из Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры), кандидат исторических наук В.М. Новиков (из Фонда культуры СССР), доктор исторических наук В.З. Дробижев (из Московского государственного историко-архивного института). Предполагалось также участие в работе комиссии представителей органов государственной власти – отдела по работе советов Президиума Верховного Совета СССР и Управления изобразительных искусств и охраны памятников Министерства культуры СССР. Намечалось дальнейшее расширение состава. Особый пункт обязывал обратиться к академиям наук союзных республик и Географическому обществу СССР с просьбой сообщить к 1 сентября 1987 г. о возможности участия их представителей в работе комиссии.

Задачами новой структуры назывались консультации по научному оформлению создаваемых городских гербов, их учет и пропаганда «путем публикации статей в центральной и местной печати», а также альбомов.

⁹⁸ АРАН. – Ф. 457. – Оп. 1. – Д. 776. – Л. 150, 154–155.

⁹⁹ Информация о создании комиссии публиковалась, см.: В президиуме АН СССР // Вестник геральдиста. – 1990. – № 1. – С. 17.

Состав и содержание геральдических источников, сохранившихся в Архиве Российской академии наук,¹⁰⁰ отражают те направления, по которым развивалось гербоведение в СССР 1930-х – 1980-х гг. Поскольку эволюция дисциплины во многом была связана с потребностями профессионального исторического образования, то большинство этих материалов касается подготовки пособий для студентов, организации и методического обеспечения учебного процесса, преподавательской деятельности конкретных специалистов. Эти источники не могут дать последовательного и всестороннего представления о преподавании геральдики, разрозненны и случайны, но, будучи поставлены в общий контекст эволюции знания о гербах, в интеграции с анализом общих тенденций историографического процесса и с учетом биографических данных, они обретают значительную ценность и новизну. Значение документов Архива Российской академии наук возрастает от того, что советский период гербоведения, особенно с начала 1930-х гг., плохо обеспечен источниками из-за отсутствия какого-либо центра, где они концентрировались бы. В подобной ситуации выявленные материалы обретают статус уникальных при изучении истории отечественной геральдики.

¹⁰⁰ Кроме перечисленных источников в архиве хранится современный альбом с изображениями городских гербов Франции (Ф. 1678. Оп. 2. Д. 63), но он значительной научной ценности не представляет.